

Орден
Знак
Почета

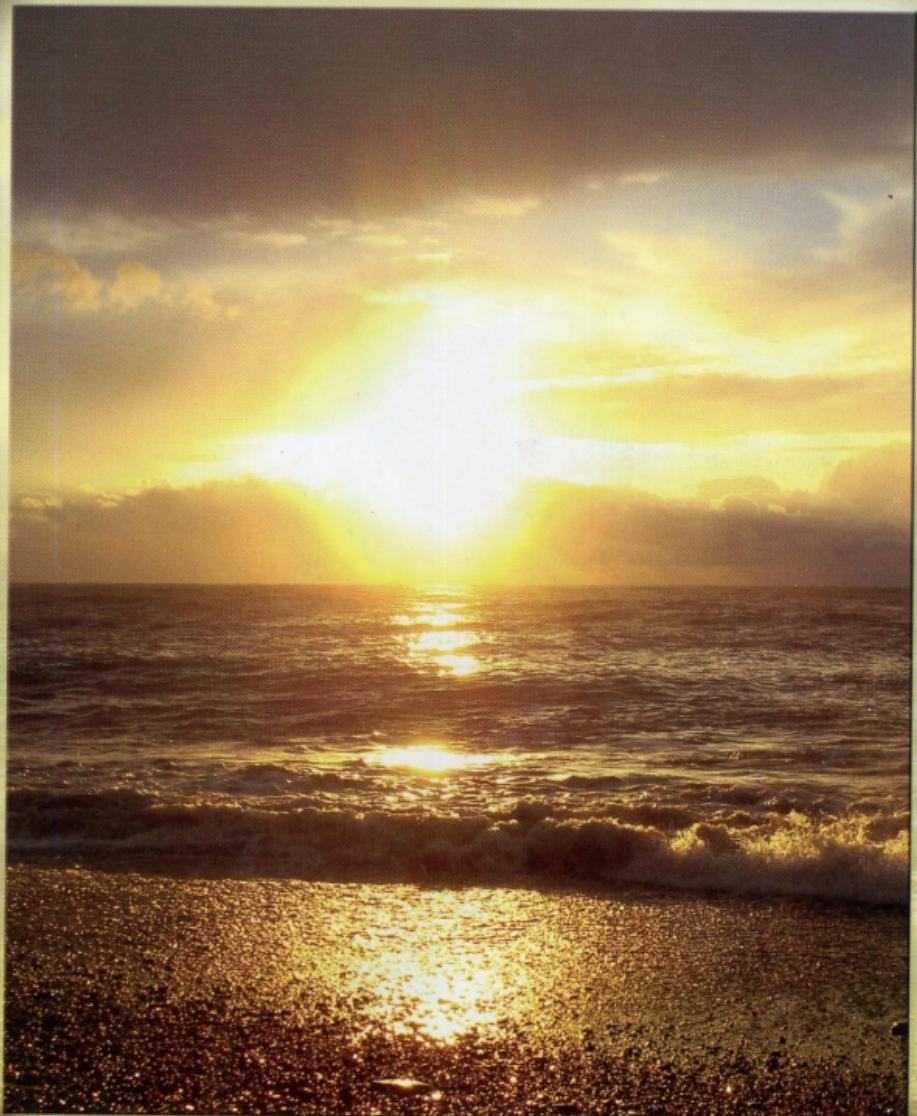
05
С-50

Смена

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

Светлана
Бестужева-Лада

Женское лицо войны

В гражданской войне с обеих сторон участвовало немало женщин, чаще всего — медсестер и санитарок, гораздо реже — бойцов. Судьбам их трудно позавидовать, а описание этих судеб — не менее трудно найти. Но есть одна женщина, которая еще при жизни стала легендой, а после смерти — и вовсе символом. Только непонятно, что именно символизировала Мария Бочкирева, всегда чуравшаяся политики и одинаково равнодушно относившаяся и к «красным», и к «белым». В любом случае, жизнь простой сибирской крестьянки вполне может стать основой любовно-авантюрного романа в военных декорациях. Но обо всем по порядку.

Мария Фролкова родилась в 1889 году в бедной крестьянской семье в Новгородской губернии. По «столыпинской программе» семья через какое-то время переехала в Сибирь, где получила большой земельный надел недалеко от Томска и материальную помощь.

Там же Мария в пятнадцать лет вышла замуж за своего односельчанина — Афанасия Бочкирева. В церковно-приходской книге сохранилась запись от 22 января 1905 года:

«Первым браком, 23 лет, православного вероисповедания, прожи-

вающий в Томской губернии, Томском уезде Семилукской волости деревни Большое Кусково взял в жены девицу Марию Леонтьевну Фролову, православного вероисповедания..."

Увы, супруг оказался горьким пьяницей и склонным к рукоприкладству. По характеру гордая и независимая, Мария терпеть этого не пожелала и ушла от мужа, не побоявшись осуждения односельчан. Она перебралась в Томск, где нашла место прислуги в публичном доме, несмотря на свое непримиримое отношение к «аморальному образу жизни». Увы, судьба сыграла с ней злую шутку.

Мария случайно познакомилась с одним из посетителей публичного дома и без памяти влюбилась в него. Предметом любви оказался вор и бандит Янкель (Яков) Бук, наводивший страх на город. Когда его, наконец, арестовали и приговорили к ссылке в Якутск, Мария бросила все и отправилась по этапу вслед за возлюбленным.

Увы, ссылка не способствовала исправлению Якова: на поселении он принялся за прежние дела и вскоре был уличен. Пытаясь спасти любимого от высылки еще дальше — в Колымск, Мария добилась аудиенции у якутского генерал-губернатора и подала ему прошение о помиловании Бука. Губернатор согласился, но поставил условие, чтобы взамен смелая и красивая женщина подарила ему свою благосклонность. Она подарила...

Губернатор сдержал слово, но Мария переживала свое «падение» очень тяжело и даже пыталась отиться. Оправившись, она все рассказала Буку — «облегчила душу». А тот, обезумев от ревности и ярости, вломился в кабинет «смазливителя», которого не убил только чудом: пятеро охранников быстро скрутили Якова. Так что Бука все-таки выслали — в глухое якутское селение Амга. Мария последовала за ним и оказалась в Амге единственной русской женщиной. Правда, прожила она там недолго: Яков так и не простил ей измены, и прежние отношения с возлюбленным постепенно сошли на «нет».

И тут грянула Первая мировая война. Всю страну охватил патриотический подъем, очень многие записывались добровольцами в действующую армию. Мария покинула Якова и вернулась в Томск, решив «записаться в солдаты». С этой просьбой в ноябре 1914 года в Томске она обращалась ко многим ответственным лицам, но везде получала предложение пройти ускоренные курсы медсестер и в этом качестве отправляться на фронт.

Мария упрямо продолжала настаивать, пока кто-то в насмешку не посоветовал ей обратиться прямо к государю-императору. Чувство юмора у девушки отсутствовало, поэтому она на последние деньги отбила телеграмму на «высочайшее имя» и... получила разрешение Николая II быть зачисленной вольнонаемной в солдаты. Стоит ли рас-

сказывать об изумлении местного начальства?

В феврале 1915 года Мария с маршевой ротой отправилась на фронт и там оказалась в 28-м пехотном Полоцком полку 7-й пехотной дивизии. Солдаты обычно давали друг другу клички, и Мария, не чуждая сентиментальности, выбрала себе псевдоним «Яшка».

ротный командир, она сама повела солдат в атаку, и враг был отброшен.

Ей присвоили звание младшего унтер-офицера, а за выдающуюся доблесть Бочкарева была награждена Георгиевским крестом. Полученные за годы войны медали она просто не считала.

Дважды отважная женщина была ранена, но оставалась в строю.

Удивительная женщина без малейшего признака страха ходила наравне с мужчинами в штыковые атаки и по собственной инициативе исполняла обязанности сестры милосердия — оказывала раненым первую помощь и при возможности вытаскивала их с поля боя. Насмешливое первоначально отношение окружающих к Бочкаревой сменилось уважением и популярностью среди солдат. Поэтому, когда в одном из боев погиб

Третье ранение — осколком снаряда в бедро — оказалось не только тяжелым, но и роковым. «Яшке» пришлось провести в лазарете четыре месяца, а за это время резко изменилась обстановка в стране и на фронте.

Февральская революция, казалось, перевернула все и везде: на фронте, прямо на боевых позициях, шли митинги, где призывали к миру. Местами происходили даже так на-

звываемые «братания с немцами» — они-де тоже подневольное «пушечное мясо». Растирьная, еще не вполне окрепшая после госпиталя Мария никак не могла понять, что происходит вокруг нее.

На один из митингов приехал Председатель Временного комитета Государственной Думы Михаил Родзянко. Случай свел его с Бочка-

добровольцев. «Женщина родила человека, — заявляла Бочкарева, — и мы, женщины, должны показать пример, как надо спасти родившуюся уже свободу».

Ничего подобного до сих пор не было ни у одного из государств, участвовавших в Первой мировой войне. Да и после, если быть предельно точными, тоже никогда не было.

У

дивительная женщина без малейшего признака страха ходила наравне с мужчинами в штыковые атаки и исполняла роль сестры милосердия — вытаскивала раненых с поля боя, оказав им первую медицинскую помощь. Насмешливое поначалу отношение к ней сменилось уважением и популярностью среди солдат. Ей присвоили звание младшего унтер-офицера, а за выдающуюся доблесть она была награждена Георгиевским крестом

ревой и, заинтересовавшись этой незаурядной женщиной, абсолютно чуждой политике, Родзянко пригласил ее приехать в Петроград, где, как он полагал, она могла бы оказаться полезной Временному правительству.

В мае 1917 года Мария впервые в жизни оказалась в столице. Немного осмотревшись, она решила попытаться воплотить в жизнь возникшую у нее идею — защищать Родину с помощью специально созданных «Женских батальонов» — воинских частей, набранных из женщин-

Случай с идеей Бочкаревой — уникальный, еще более уникально то, что его попытались (с переменным успехом) воплотить в жизнь.

Ознакомившиеся с предложением оригинального бойца военный министр Временного правительства Александр Керенский и Верховный главнокомандующий генерал Алексей Брусилов его одобрили, посчитав, что «женский фактор» сможет остановить моральное разложение в армии и переломит ситуацию. Идею горячо поддержали и патриотические женские общественные орга-

низации, например, Женский Союз помоши Родине.

Откликнулось свыше двух тысяч женщин, чего никто не ожидал. Их поселили в отдельном помещении, приставили к ним опытных инструкторов, кормили из особой кухни 2-го Балтийского Флотского экипажа.

Первоначальный энтузиазм был так велик, что в добровольцы записалась даже супруга Керенского,

зрелище необычное и трогательное до слез. Это «Женский батальон смерти». Всюду звенящим металлом звучит команда организатора батальона... Она мелькает как метеор, перебегая от одного взвода к другому, и вся горит огнем вдохновляющей ее идеи», — отмечал один из журналистов, посетивший казармы необычной воинской части в начале июня 1917 года.

Ольга, которая собиралась ехать на фронт в качестве сестры милосердия, дав обязательство «в случае необходимости оставаться все время в окопах». Следует ли говорить, что все ограничилось только благими порывами? Окопов госпожа министерша так никогда и не увидела.

«На редкость стройно и молодцово маршируют взводы «солдат», подобранных по росту, представляя

К сожалению, в советской литературе и кинематографе сложился искаженно-карикатурный образ Женского батальона и его участниц. Договаривались до того, что для «защиты буржуазии» ставили под ружье всех петроградских проституток. Но сохранилась статистика образовательного уровня бочкаревского батальона, которая проливает свет на истинный состав участниц.

До тридцати процентов составляли курсистки (в том числе, и с престижных Бестужеских курсов), а более сорока процентов женщин имели среднее образование. Среди личного состава батальона присутствовали, между прочим, княжна Татуева из знаменитого грузинского рода, Добровольская — дочь генерала, а батальонным адъютантом была Скрыдлова — дочь адмирала Черно-

Сразу были установлены жесткий режим и дисциплина: подъем в пять утра, занятия до десяти вечера, краткий отдых и простой солдатский обед. Даже во время еды в столовой, если начинались разговоры, звучал металлический окрик Бочкаревой:

— Не люблю базара, не люблю базара. Тише!

Или же раздавались замечания, вроде:

морского флота. Пожалуй, сама командующая батальоном была менее образована, чем ее подчиненные.

Разумеется, тут же появившиеся публикации и фотопортажи рисовали жизнь женщин-солдат в более чем идилических тонах: этакий вооруженный Институт благородных девиц во главе с госпожой начальницей — опытным и закаленным бойцом. На деле все было, мягко говоря, иначе.

— Нечего дуть на ложку и прохладиться. «Там» некогда будет заниматься такими нежностями. Надо здесь еще привыкать ко всему.

Первые проблемы возникли — не могли не возникнуть! — из-за обязательной для всех короткой стрижки: далеко не все женщины были готовы расстаться с косами и локонами. Затем пошли жалобы на то, что командирша груба и «бьет мор-

ды, как заправский вахмистр старого режима». А хуже всего, с точки зрения властей, было то, что Бочкарева категорически запретила организовывать в ее батальоне любые советы и комитеты и — главное! — появляться там любым партийным агитаторам.

Если учесть, что уже с конца февраля существовал «Приказ номер один» «О демократизации армии», то Бочкарева его не просто нарушила — грубо игнорировала.

Командующий Петроградским военным округом генерал П.А. Половцов писал в своих мемуарах «Дни

затмения» о том, как к нему обращались с жалобами на Бочкареву убежденные сторонницы демократии из ее батальона и на то, как она реагировала на их требования выполнения «Приказа номер «один». «Она, свирепо и выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пусть убираются вон, что она желает иметь дисциплинированную часть».

Раскола избежать не удалось: в батальоне под командой Бочкаревой осталось только 250 женщин, остальные нашли себе место в других воинских частях, где не было таких «драконовских порядков» и процветали всевозможные советы, митинги и агитации. Но это Марии Леонтьевне было безразлично: уход «демократок и неженок» она выразительно прокомментировала в одном из интервью прессе:

«— У вас еще продолжается запись в батальон?

— Нет, прекращена. ...Каждый день приходят проситься. Это хорошо — значит, поняли, — но всем отказ. Довольно.

— Не предполагается оставлять запасных кадров?

— Не к чему. Уйдем и умрем. Пусть этим занимаются другие».

Уйдем и умрем... Как видно, Бочкарева не питала особых иллюзий относительно будущего. Это подтверждает и официально данное батальону название.

21 июня 1917 года на площади у Исаакиевского собора состоялась

торжественная церемония вручения новой воинской части белого знамени с надписью «Первая женская военная команда смерти Марии Бочкаревой». На левом фланге отряда в новенькой форме прaporщика стояла взволнованная Мария, только что произведенная в офицерский чин:

«Я думала, что все взоры устремлены на меня одну. Петроградский архиепископ Вениамин и уфимский архиепископ напутствовали наш батальон смерти образом Тихвинской Божией Матери. Свершилось, впереди — фронт!»

Напоследок батальон прошел торжественным маршем по улицам Петрограда, где его приветствовали тысячи людей. В буржуазных квартирах дамы бросали «защитницам Отечества» под ноги букеты цветов. Ближе к рабочим районам в толпе начали раздаваться и оскорбительные выкрики. Пролетариат, на словах ратовавший за равноправие, на деле оставался при твердом убеждении, что все бабы — дуры, а некоторые по дурости еще и за ружье хватаются.

23 июня необычная воинская часть отправилась на фронт. Жизнь здесь окончательно развеяла еще теплившуюся в душах некоторых женщин романтику. Батальон придали пехотному полку. Бочкарева вспоминала, что «никогда прежде не встречала такой оборванной, разнудзданной и деморализованной шантрапы».

Первоначально у казарм батальона пришлось даже поставить

часовых: революционные «солдаты-граждане» приставали к «бабам» с весьма недвусмысленными предложениями. Осознать, что женская воинская часть прибыла на фронт не для развлечения, было выше их разумения.

Характерная деталь: когда в июле 1917 года завязался ожесточенный бой с немцами под Сморгонью, би-

кой железной стойкостью, как их командирша. Так, в один из напряженных моментов, когда на счету у Бочкиревой был буквально каждый боец, она застала одну из своих «амазонок» занимающейся за деревом любовью с каким-то солдатом. Вне себя от ярости Мария tkнула ее штыком, а незадачливый «кавалер» еле спасся бегством.

П

осле отнюдь не триумфального возвращения из Америки в Россию, где до нее абсолютно никому не было дела, Бочкирева формально находилась в резерве Архангельского фронта. Когда же ей предложили принять участие в вооруженной борьбе против большевиков, она ответила категорическим отказом, чем изрядно подпортила свой имидж герoinи среди сторонников белого движения

лись, фактически, только женщины. В донесении командования говорилось, что «отряд Бочкиревой вел себя в бою геройски, подавал пример храбрости, мужества и спокойствия». Более того, другие части не поддержали атаку, предпринятую женским батальоном. Храбрость женского отряда вынужден был признать даже такой скептик, как один из лидеров белого движения генерал Антон Иванович Деникин, который до этого именовал батальон «суррогатом армии».

Случались в военных буднях и трагикомические эпизоды, поскольку не все женщины отличались та-

В дальнейших боях батальон понес серьезные потери. Сама Бочкирева была контужена и отправлена в петроградский госпиталь. После выздоровления она получила приказ нового Верховного главнокомандующего Лавра Корнилова сделать смотр женским батальонам, которые начали появляться, как грибы после дождя, и которые были весьма далеки от первоначально задуманного эталона.

Увы, инспекция первого же батальона — московского — обнаружила его полную небоеспособность. Более того, за батальоном закрепи-

лась обидная кличка «бочкарёвские дуры». Узнав об этом, Мария вернулась в свою часть и твердо заявила:

— Больше женщин на фронт не брать, потому что в женщинах я разочаровалась.

Критерии Бочкарёвой были, конечно, слишком высоки для обычных женщин. Ей-то самой за храбрость, одно за другим, были при-

званием «Батальон смерти» — и кто только над этим впоследствии не насмехался. Батальон, оборонявший (без особого успеха) последнюю резиденцию Временного правительства, набирался «с бору по сосенке», в том числе и из отчисленных ранее Бочкарёвой нарушительниц дисциплины. Именно они запечатлены у Инженерного замка, и именно эта

своены звания подпоручика и поручика (почти беспрецедентный случай в русской армии). Но в атмосфере революционной неразберихи было просто невозможно в короткий срок создать даже обычную мужскую боеспособную часть. Опыт организации в Петрограде нового женского батальона это только подтвердил.

Именно этот батальон, по иронии судьбы, и вошел в историю под на-

редкая фотография хранится в фондах Государственного музея политической истории России.

Для проведения первоначального обучения и боевой подготовки батальон отправили в район Левашова и разместили в имении княгини Вяземской. По воспоминаниям командовавшего одной из рот Женского батальона штабс-капитана Павла Шагала, «...обучение было органи-

Бойцы
женского
батальона

зовано вполне серьезно и принесло ощутимые плоды... Никакой политической окраски у батальона не было, — категорически утверждал офицер, — не было также никаких разговоров о будущем политическом устройстве России. Это было объединением лучших честных девушек и женщин России, которые хотели служить, даже неизмеримо больше, принести себя в жертву Родине».

Предполагалось, что скоро батальон отправится на фронт. Одновременно началась подготовка к созданию еще одного, запасного Женского батальона. Однако судьба распорядилась иначе.

Всего батальон насчитывал тысячу женщин-солдат (их называли «доброволицами»), двенадцать офицеров и троихunter-офицеров, пользовался правами отдельной воинской части, приравнивался к полку

и подчинялся непосредственно штабу Петроградского военного округа.

24-го октября батальон был вызван в Петроград якобы для участия в параде. Но фактически намеревалось дать как можно более мощный отпор начавшемуся выступлению большевиков. Так что 2-я рота Женского батальона оказалась в составе гарнизона Зимнего дворца, куда входили также казаки, юнкера пехотных, инженерных и Михайловского артиллерийского училищ, словом, все те, кто готов был защищать Временное правительство.

Женщинам вместе с юнкерами поручили обороны юго-восточное крыло Зимнего со стороны Дворцовой площади. В течение дня им даже удалось оттеснить (причем бескровно!) красногвардейцев и установить контроль над Николаевским мостом.

Но к вечеру 25 октября Зимний был окружен войсками Военно-революционного комитета, после символической перестрелки ряды защитников стали стремительно таять. Женщины последними попросили выпустить их из дворца, и их просьба была удовлетворена, с условием полного разоружения. Ночью они провели в казармах под замком, а затем отправлены обратно в Левашово.

После захвата власти большевиками командование батальона приняло решение об его распуске. С помощью антибольшевистского «Комитета общественной безопасности» удалось получить женскую одежду

и документы сестер милосердия, с которыми «ударницы» могли относительно безопасно вернуться по домам.

Кстати, Мария Бочкирева все это время находилась на фронте и вообще никак не была связана с обороной Зимнего дворца. Тем не менее, создался устойчивый миф, отраженный даже в знаменитом фильме Сергея Эйзенштейна «Октябрь»: среди обороняющих дворец есть типаж, внешне сильно напоминающий Бочкиреву.

На самом деле после Октябрьского переворота Бочкиревой, по ее собственным словам, «пришлось тяжелее, чем было на фронте». Для начала ей приказали распустить по домам свой батальон, хотя на фронте он считался одним из лучших. Затем ее вызвали в Петроград, в Смольный. Там кто-то из высокопоставленных представителей нового режима (сама она утверждала, что это были Ленин или Троцкий) долго убеждал Марию, что она, как представитель крестьянства, должна встать на защиту власти трудящихся. Но в ответ Бочкирева лишь упорно твердила, что слишком измучена и не хочет принимать участие в Гражданской войне ни в каком качестве. Пришлось отпустить.

Почти то же самое — «Я боевого дела во время Гражданской войны не принимаю», — спустя год она заявила белогвардейскому командующему на Севере России генералу Марушевскому, который попытался

заставить Марию заниматься формированием боевых частей. За отказ разгневанный генерал приказал, было, арестовать Бочареву, и его остановило лишь вмешательство английских союзников, которые узнали о судьбе «русской амазонки», давно известной в Англии.

Возможно, здравый крестьянский инстинкт подсказывал Марии, что и красные, и белые хотят как-то использовать ее военный авто-

шена американским президентом Вильсоном на обед в Белый дом. Мария Леонтьевна в ответ на его приветствие сказала, что считает себя счастливой женщиной, так как вышла из народа и видит сегодня президента свободной страны. Когда Вудро Вильсон поинтересовался, «кто прав и кто виноват в России, то я ему сказала, что слишком мало разбираюсь в этом вопросе и боюсь попасть в ложное

K

огда Красная армия заняла Томск, Мария сама явилась к коменданту города, сдала свой револьвер и предложила сотрудничество. Комендант от предложения отказался, взял с нее подписку о невыезде и отпустил домой. Как позже выяснилось — временно. В рождественскую ночь 1920 года она была арестована, приговорена к смерти, и в мае приговор был приведен в исполнение. Героине-фронтовичке, чуждавшейся политики, было всего тридцать лет...

ритет в непонятной ей политической игре. Но «поиграть» все же пришлось: генерал Корнилов уговорил ее «помочь спасению России», и она, под видом сестры милосердия, с фальшивым паспортом отправилась в 1918 году с агитационной поездкой в США и Англию, через охваченную Гражданской войной Россию.

В День независимости 4 июля 1918 года Бочарева была пригла-

положение», — вспоминала она впоследствии.

Находясь в Англии, Бочарева получила в середине августа 1918 года краткую аудиенцию у короля Георга V, на которую прибыла в офицерской форме со всеми своими боевыми наградами. В ходе пятиминутной беседы король сказал, что рад видеть вторую Жанну д'Арк и приветствовал ее «как женщину, которая много сделала для России».

Но вопрос о политических взглядах вновь поставил Марию в тупик. «Король спросил, к какой партии я принадлежу, а верю я только генералу Корнилову. Король сообщил мне новость, что Корнилов убит, я сказала, что не знаю, кому теперь верить, и в гражданскую войну я воевать не думаю», — так в апреле 1920 года записал ее показания об этой встрече военный следователь Особого отдела ВЧК.

После отнюдь не триумфального возвращения в Россию, где до нее абсолютно никому уже не было дела, Бочкарева формально находилась в резерве Архангельского фронта. Когда ей предложили принять участие в вооруженной борьбе против большевиков, она ответила категорическим отказом, чем изрядно подпортила свой имидж героини среди сторонников белого движения.

Во время пребывания в Соединенных Штатах Мария надиктовала одному из соотечественников свои воспоминания. В 1919 году в США вышла ее беллетризованная биография «Яшка», наделавшая много шума. Книгой зачитывались многие, в том числе и такие разные люди, как британский военный министр, а затем премьер Уинстон Черчиль и лидер испанской компартии Долорес Ибаррури.

Оставшись предоставленной самой себе, Мария тяжело переживала. Она опустилась, стала много курить, активно прикладываться к спиртному. В случайной компании пила стаканами водку и, плача, демонстрировала свои боевые награды. От греха подальше белое командование на Севере приняло решение отправить ее на прежнее место жительства в Томск. Здесь она — опять же чисто формально — вошла в со-

став армии А.В. Колчака, с которым лично встретилась осенью 1919 года.

Постаревшая, измученная скитаниями и уже потерявшая последние женские черты, Мария Леонтьевна пришла просить об отставке, но Колчак все-таки уговорил Бокареву продолжить службу и сформировать добровольный санитарный отряд. Мария произнесла страстные речи в двух омских театрах и за

два дня завербовала 200 добровольцев. Но дни самого «Верховного правителя России» и его армии заканчивались, и старания Бокаревой пропали в туне.

Когда Красная Армия заняла Томск, она сама явилась к коменданту города, сдала свой револьвер и предложила Советской власти сотрудничество. Комендант от предложения отказался, взял с нее подпиську о невыезде и отпустил домой.

Как позже выяснилось — временно. В рождественскую ночь 1920 года она была арестована и затем отправлена в Красноярск.

На все вопросы следователя Бочкирева давала откровенные и бесхитростные ответы, чем поставила чекистов в сложное положение. Никаких явных доказательств ее реальной контрреволюционной деятельности обнаружить не удалось, в боевых действиях против красных Бочкирева также никогда не участвовала, о ее заграничной поездке чекисты не знали. В конечном итоге появилось постановление:

«Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву».

Возникла надежда на благоприятный исход, тем более что постановлением ВЦИК и СНК смертная казнь в РСФСР была в очередной раз отменена. Но, к несчастью, в Сибирь прибыл заместитель начальника Особого отдела ВЧК И.П. Павловский, наделенный Феликсом Дзержинским чрезвычайными полномочиями. Высокопоставленный представитель Москвы не понял, что же смущило местных чекистов в деле этой явной «контры», агитировавшей за Колчака. На постановлении он написал краткую и, в прямом смысле, убийственную резолюцию:

«Бочкиреву Марию Леонтьевну — расстрелять».

16 мая 1920 года смертный приговор был приведен в исполнение.

В тридцать лет героиня-фронтовичка, чуждавшаяся политики, погибла из-за двух не вовремя произнесенных речей.

Бочкирева стояла у самых истоков женского военного движения в России. В годы Великой Отечественной войны на фронте и в партизанских отрядах сражались уже сотни тысяч женщин. Большинство из них никогда не слышало о Марии Бочкиревой, но подсознательно вдохновлялись ее патриотическим примером.

На малой родине Марии Бочкиревой в городе Томске местные краеведы проводят чтения и конференции, посвященные своей легендарной землячке, выражают справедливое мнение о необходимости увековечить память патриотки, установив на доме 20 по Горшковскому переулку, где она жила в 1919 году, мемориальную доску. Будет ли оно услышано, покажет время.

Но уже сегодня Марии Леонтьевне Бочкиревой посвящены десятки научных статей и публицистических очерков. В 2001 году, наконец, увидела свет в русском издании книга ее воспоминаний «Яшка: моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы». Так что историческая правда постепенно вытесняет карикатурный образ, возникший после Октябрьского переворота и впоследствии почти забытый.

Прав был один из героев романа «Мастер и Маргарита», сказавший:
— История нас рассудит. □